



УДК [94+323.1](47+57) | 1985/1991

## СОБЫТИЯ В АЛМА-АТЕ В ДЕКАБРЕ 1986 г.: ПЕРВЫЙ УЛЬТИМАТУМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ ЦЕНТРУ

А. П. Мякшев

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, myakshev@mail.ru

В статье анализируется роль этноэлит в период нарастания дезинтеграционных процессов в СССР периода перестройки, приведших к распаду единого государства. Исследуются события в Казахстане в декабре 1986 г., их роль в консолидации республиканской партийной элиты, направившей свои усилия на создание этнократического режима и достижение независимости от союзного Центра. Делается вывод о мобилизующем значении этнонационализма как мощного оружия в борьбе за контроль над республиканскими ресурсами, собственностью и властью.

**Ключевые слова:** национальные элиты, «перестройка», союзные республики, народы, власть, государство.

### The Events in Almaty in December 1986: the First National Elite Ultimatum to the Centre

A. P. Myakshev

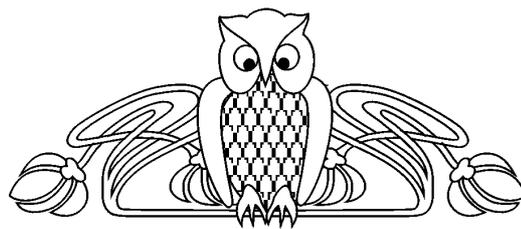
Anatoliy P. Myakshev, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, myakshev@mail.ru

The role of the ethnical elite during the period of rising disintegration processes in the USSR in the “perestroika” period, that led to the collapse of the country is analyzed in the article. The events in Kazakhstan in December 1986, their role in the consolidation of the Republican party elite, that put all its effort to establishing ethnocratic regime and gaining independence from the Union centre are examined. The conclusion about mobilizing importance of ethnonationalism as a powerful weapon in the fight over control of republican resources, property and power is made.

**Key words:** national elite, “perestroika”, soviet republics, peoples, authority, state.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-432-439>

Обращение к событиям более чем тридцатилетней давности в тогда еще «советской» Алма-Ате актуализировано недавним решением руководства Республики Казахстан о переводе казахской письменности на латинскую графику. Несмотря на заверения казахских политологов о том, что «переход на латиницу – это цивилизованный выбор в пользу глобального и открытого мира», и объяснения казахских лингвистов, что это поможет «сохранить самобытность и своеобразие звуковой системы казахского языка»<sup>1</sup>, легко угадывается истинная подоплека данного политического решения: казахская элита, при-



крываясь демонстрируемой «заботой о сохранении национальной идентичности», пытается закрепить и утвердить ту степень своей «независимости и самостоятельности» в распоряжении «своими этническими» ресурсами, которую она приобрела в результате трагических с точки зрения исторической целесообразности – случайных – событий перестройки и распада единого СССР. Казахских идеологов не заботит тот факт, что в Туркменистане и Узбекистане переход на латиницу привел к неоднократному пересмотру алфавита и огромным затратам на проведение реформы. Представляется, что принятием решения об отказе от кириллицы и признании латиницы казахская элита завершила исторический «виток трансформации» из части, причем небольшой по численности и провинциальной по характеру, советской партгосноменклатуры в замкнутый, консолидированный элитный «слой», в своем стремлении к замене патронажных отношений ориентирующийся не на Россию и русский мир, а на китайскую либо американскую версию глобального мира. В этой связи интересно и полезно обращение к историческому опыту разрыва отношений республиканских элит с союзным Центром, начало которому положили события в Алма-Ате в декабре 1986 г.

Оценка «алма-атинских» событий по горячим следам выявила две диаметрально противоположные позиции. Советское руководство заявило о проявлениях «казахского национализма», а казахстанское, после отъезда в Москву Г. В. Колбина, квалифицировало эти события как одно из первых демократических выступлений в защиту перестройки. В сегодняшней научной и мемуарной литературе эти две позиции представлены довольно широко. Так, исследователь из Санкт-Петербурга Р. Шабаев в пространной статье о типологии межнациональных конфликтов не нашел ничего лучшего, как выделить «алма-атинские» события декабря 1986 г. в особый тип «этнического конфликта» – «националистические выступления казахской молодежи»<sup>2</sup>. Напротив, вспоминая об этих событиях, бывший ректор Казахского политехнического института, академик НАН РК Б. Р. Ракишев прямо указывает, что «декабрьское выступление молодежи в Алма-Ате – это был еще не вполне осознанный, но назревающий протест молодых против тоталитаризма, диктата Центра (Москвы)», а значение «протеста» усматривает в том, что он пробудил «самосознание народа, открыл путь к



многовековой мечте казахского народа – суверенитету Казахстана»<sup>3</sup>. На наш взгляд, декабрьские события в Алма-Ате не имели отношения к перестроечному процессу демократизации и борьбе с тоталитарным центром и уж тем более не являлись «проявлением национализма казахского народа», поскольку априори в природе и обществе не существует самого явления «национализм народа».

События 16–19 декабря 1986 г. в Алма-Ате впервые стали не только предметом партийного разбирательства, но и объектом пристального внимания всего советского общества. Национальные проблемы после алма-атинских событий декабря 1986 г. и для власти, и для всего общества явились во всей их остроте и сложности. Скрывать национальные противоречия и продолжать представлять межэтническую сферу общественных отношений как беспроблемную после декабря 1986 г. уже не имело смысла. Вместе с тем с «алма-атинских» событий следует вести отсчет началу открытой конфронтации республиканских элит с союзным Центром. Национальные элиты к декабрю 1986 г. прошли стадию «этнической» консолидации и мобилизации и готовы были открыто вступить в борьбу за безраздельную власть в «своих» государствах. Парадокс в форме «двойного суверенитета» способствовал стремительному нагнетанию напряженности внутри советской Федерации. Свою возможность и способность обуздать сепаратистские устремления элит титульных этносов Центр к этому времени постепенно утрачивал. Однако понимание меняющейся на глазах ситуации в отношениях властвующих элит в центре и на местах у «горбачевского» руководства отсутствовало, оно придет гораздо позже.

Бывший советник, пресс-секретарь Президента СССР А. С. Грачев, назвавший эти события «первым, явно не подготовленным вторжением горбачевской перестройки в зыбучие пески национальных проблем “реального социализма”, считал, что М. С. Горбачев не учел “две вещи”. Первое, полагал Грачев, – «пытаться одновременно выкорчевывать режим, основанный на клановых связях и коррупции, и будить стихию общественных и политических страстей, значило, как минимум осложнять себе жизнь. Второе – заменить местного “крестного отца” в союзной республике, оставляющего в национальной почве обширную “грибницу”, на присланного из другого региона “варяга” совсем не так же просто, как сделать это в Москве»<sup>4</sup>.

Представляется, что М. С. Горбачев и его окружение в самом начале перестройки одной из своих приоритетных задач рассматривали необходимость проведения «номенклатурной революции». Проверенным, практически единственным, методом кадровой «перетряски» в то время являлось создание в партийной среде обстановки недовольства «старым» руководством,

способствовавшей, в конечном счете, расколу в партэлите. Национальный фактор при этом игнорировался начисто. Тем более Казахстан, считавшийся «лабораторией дружбы народов», отличался своеобразной национальной структурой: доля титульного этноса составляла в республике всего 36%. Предпринятая в феврале 1986 г. первая попытка устранения руководившего Казахстаном с 1964 г. Д. А. Кунаева, опытного хозяйственника, ученого, имеющего огромный авторитет в республике, провалилась. Санкционированное высшим советским руководством выступление Н. А. Назарбаева, Е. Н. Ауэлибекова, З. К. Камалиденова, подвергших резкой критике деятельность первого секретаря ЦК на XVI съезде компартии Казахстана, не было поддержано делегатами съезда.

Как признавался М. С. Горбачев, после объявления об отставке первого секретаря ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаева он беседовал с отставником о возможном преемнике. Кунаев якобы дал нелестную оценку кандидату на первый пост в республике председателю Совмина КазССР Н. А. Назарбаеву и вообще заявил, что среди казахов преемника не видит, «на посту первого секретаря должен быть русский»<sup>5</sup>. Все эти события явно свидетельствовали о расколе внутри казахской партэлиты. Р. А. Медведев главной причиной алма-атинских событий считал «клановые разборки» (в случае с Казахстаном правильное будет назвать их «междуэтническими»): «У Назарбаева, однако, возникли конфликты с окружением Д. Кунаева и с его родными: некоторые из них занимали крупные должности в республике. Явно не соответствовал своему посту президента Академии наук Казахской ССР младший брат Д. Кунаева, Димаш. Этот конфликт был вынесен на решение ЦК КПСС, им занимались в первую очередь Егор Лигачев и М. С. Горбачев. Д. Кунаев был вынужден подать заявление об отставке, которая была принята»<sup>6</sup>. Символично, что сомнения в целесообразности назначения «малоизвестного номенклатурного работника» руководителем одной из крупнейших национальных республик выразил только лишь лидер Азербайджана Г. А. Алиев<sup>7</sup>.

Уже вечером 16 декабря, после объявления об отставке Д. А. Кунаева и назначении на эту должность первого секретаря Ульяновского обкома КПСС Г. В. Колбина, среди студентов в общестите Алма-Атинского государственного театрально-художественного института начались волнения против назначения русского главой компартии Казахстана.

Протест поддержали студенты института иностранных языков, а утром 17 декабря на площади Брежнева начался митинг под националистическими лозунгами. При попытке разогнать его произошли стычки между демонстрантами и работниками милиции и КГБ. Беспорядки продолжились до 19 декабря, в ходе их погибли



два сотрудника МВД и один демонстрант, более 1200 человек обратились за медицинской помощью, были уничтожены десятки служебных машин.

Для наведения порядка был мобилизован партийно-хозяйственный актив, созданы рабочие отряды. Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцев, прибывший по заданию М. С. Горбачева в Алма-Ату (по всей видимости, было принято во внимание то, что Соломенцев в 1960-е гг. работал вторым секретарем в ЦК КП Казахстана), полагал, что «ситуация вышла из-под контроля». Спустя почти 20 лет Соломенцев так охарактеризовал обстановку: «Колбин ничего не мог сделать, так как находился в полной изоляции. Аппарат его не принял. Назарбаев, недавно избранный Председателем Совета Министров Казахстана, устранился. Кунаев сказался больным и помогать отказался»<sup>8</sup>. Тем временем экстремисты готовились к решающему выступлению: «Председатель КГБ (русский) доложил, что во всех дворах вооружаются, подгоняют откуда-то машины»<sup>9</sup>. Выходы из дворов были заблокированы.

М. С. Соломенцев на собрании республиканского актива дал оценку событиям и назвал их «проявлением национализма», в то время как, по его мнению, «местные руководители валили все на молодежь». Он вспоминает, что на встрече с населением на городском рынке ему кричали: «Пусть на молодежь не сваливают. Это все начальство затеяло. Они там кресла никак поделить не могут»<sup>10</sup>. Тем не менее Н. А. Назарбаев, ознакомившись с запиской Соломенцева об алма-атинских событиях, не согласился «с тем, что главной причиной является национализм», и заявил, что «это в большей степени было хулиганство». Соломенцев был вынужден напомнить Назарбаеву мнение простых людей, «которые хором говорили, что весь этот бунт затеяло высокое начальство казахской национальности, обиженное тем, что первым секретарем избрали русского»<sup>11</sup>. А. С. Грачев также указывает на то, что за этими «относительно неспонтанными беспорядками угадывалась уверенная рука если и не самого отставного 73-летнего казахского руководителя, то тех, кто захотел показать Москве, что пакт лояльности республики по отношению к центру может быть расторгнут»<sup>12</sup>.

Историк А. В. Островский полагает, что «вся ответственность за алма-атинские события лежит на Кремле»<sup>13</sup>, а причину видит в стремлении М. С. Горбачева и его ближайшего окружения «разгромить» силы, «стоящие» на пути «перестройщиков»<sup>14</sup>. По мнению историка, все началось с замены в начале 1986 г. З. К. Камалиденова на В. М. Мирошника на посту председателя КГБ Казахстана, а затем была организована кампания по дискредитации Д. А. Кунаева. «Антикунаевское» выступление Н. А. Назарбаева на февральском съезде КП Казахстана, на его взгляд, было

также санкционировано Горбачевым<sup>15</sup>. Трудно-объяснимым, считает Островский, и появление во главе колонны демонстрантов, направлявшихся 17 декабря с площади Брежнева в город, председателя правительства Казахстана Н. А. Назарбаева, членов Бюро ЦК КП Казахстана С. М. Мукашева, З. К. Камалиденова, М. С. Мендыбаева, секретарей обкома и горкома партии, секретаря ЦК комсомола, председателя КГБ В. М. Мирошника, министра МВД Н. Г. Князева. «Событиям, указывает А. В. Островский, специально давали разрастись»<sup>16</sup>. Факт подготовки «алма-атинских событий» у историка также не вызывает сомнений: уже 16 декабря в КГБ знали о «подстрекательской» деятельности и призывах выйти на площадь в общежитиях театрально-художественного института и института иностранных языков. Бездеятельность КГБ республики Островский объясняет отсутствием указания со стороны КГБ СССР. «Однако В. М. Чебриков вряд ли мог пойти на это, заключает историк, не согласовав свои действия с М. С. Горбачевым»<sup>17</sup>. Алма-атинские события 1986 г. склонен считать «провокацией, организованной КГБ» и М. Я. Геллер, признающий, впрочем, что документальных свидетельств тому нет<sup>18</sup>. Хотя он, в отличие от А. В. Островского, признает, что волнения в столице Казахстана были выгодны лишь Д. А. Кунаеву, создавшему в республике «собственную могущественнейшую партийную машину»<sup>19</sup>.

Дж. Хоскинг считает, что назначение Колбина «казахи восприняли» как «национальный вызов», а «закрепление принципа “покровитель – протеже” в качестве основы системы политического контроля придало конфликту одновременно личностный и этнический характер сразу после того, как этот контроль был ослаблен». Английский историк придавал «алма-атинским» событиям особое, «знаковое» значение: «Национальное покровительство, являвшееся в течение долгого времени обычной практикой в СССР, способствовало укреплению мнения, что все беды происходят из-за “злостного поведения” другой нации, и вызвало к жизни тенденцию переводить все проблемы в плоскость межнациональных конфликтов»<sup>20</sup>.

Р. А. Медведев полагал, что «у М. Горбачева хватило здравого смысла не раздувать конфликт и не прибегать к репрессиям, хотя не менее 200 студентов были все же исключены из Казахстанского университета», и сообщал, что «попытка снять со своих постов Н. Назарбаева и С. Мукашева не удалась»<sup>21</sup>.

Политическое руководство в Москве вновь пыталось объяснить все провалами в «кадровой политике», обвиняя в организации беспорядков конкретных политических деятелей, в том числе Назарбаева и Кунаева. В то же время сами беспорядки, безусловно, характеризовались как «националистические проявления со стороны казахской молодежи»<sup>22</sup>.



Реальный анализ дел в «лаборатории дружбы народов», как называли Казахстан в официальной советской пропаганде, мог бы показать власти, что в сфере межнациональных отношений в этой республике накопился целый комплекс проблем: от экологических и экономических до родоплеменных отношений, влиявших на распределение власти между местными национальными элитами, поделенными к тому же на родоплеменные организации – «жузы». Власть длительное время не обращала внимания на неуклонно нарастающую в конце 1970-х гг. миграцию русского населения из республики. По данным исследователя О. Комаровой, в 1975–1988 гг. из Казахстана в Россию выехало около 400 тыс. русских (6,6 % общей численности русских в Казахстане)<sup>23</sup>. Впрочем, довольно широко распространена и противоположная оценка: «нет сомнения, что в Казахстане существует чувство национальной обиды: сегодня в республике казахи составляют меньшинство населения»<sup>24</sup>.

По всей видимости, прямым следствием алма-атинских событий явился массовый выезд в 1987 г. из Казахской ССР: из Джамбульской области выехало 46 тыс., Карагандинской – 24 тыс., Джезказганской – 26 тыс., Кызыл-Ординской – 22 тыс. «граждан только русской национальности»<sup>25</sup>. В декабре 1988 г. известный ученый Г. И. Литвинова сообщила, что «получила письмо от А. И. Насыбова, который проанализировал события в Алма-Ате не столько как всплеск национализма, сколько как всплеск русофобии»<sup>26</sup>. Среди наиболее опасных проблем в сфере межнациональных отношений известный этнолог Л. М. Дробижева тогда же называла «избиение русских в Алма-Ате, Якутии и т. д.»<sup>27</sup>. Резко активизировался выезд немцев. В марте 1989 г. А. И. Лукьянов сообщал в ЦК КПСС, что «в 1988 г. число выехавших в ФРГ возросло в 3,3 раза по сравнению с 1987 г.»<sup>28</sup>. Председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР А. Э. Восс уточнял, что «по данным МВД СССР, в 1988 г. в ФРГ выехало 51983 человека, а в январе 1989 г. – 6607 человек, «что в 3 раза больше в сравнении с этим же периодом 1988 г.»<sup>29</sup>.

В течение двух лет после декабрьских событий 1986 г. Казахстаном руководил русский Г. В. Колбин. Главным направлением национальной политики в республике Колбиным был избран «слом сложившейся системы предпочтений по этническому и родовому признакам в кадровой политике, введении национально-пропорционального представительства в партийно-государственном и советском аппарате»<sup>30</sup>.

Политика Г. В. Колбина в период его руководства республикой отличалась тонким политическим расчетом и была направлена на сужение поля деятельности сепаратистских национальных кланов-жузов, расширение и укрепление

механизмов, связывающих и сплачивающих центр и союзную республику. Кадровая чистка, предпринятая новым партийным лидером республики, существенно ослабляла социальную базу национальных кланов (предположительно основной удар был нанесен Старшему и Среднему Жузам, покровительствовал Г. В. Колбин чиновникам из Западного Казахстана, «исторически входившего в состав Младшего жуза»<sup>31</sup>). Уже к концу 1987 г. в Бюро ЦК КП Казахстана осталось 39 % казахов, из 156 членов ЦК – 65 казахов, из 18 секретарей обкомов – 7 казахов<sup>32</sup>. Переаттестацию к середине 1988 г. не прошли 21,8 % партийных и 34 % комсомольских работников. Из органов МВД было уволено 1200 сотрудников, в министерствах здравоохранения и транспорта работу потеряли 309 человек<sup>33</sup>.

Серьезным ударом по политическому этнонационализму в республике стало разоблачение клановых связей в казахстанских вузах и последовавшая вслед за этим «чистка» вузовской системы. Были сняты с должностей 12 ректоров, в алма-атинских вузах было уволено 319 преподавателей и исключено 182 студента<sup>34</sup>. Этническое представительство в среде студенчества стало стремиться к этническим «пропорциям» в национальной структуре. К примеру, в 1987/88 учебном году в Карагандинском медицинском институте набор студентов-казахов был снижен с 50 до 20 %<sup>35</sup>.

Г. В. Колбин руководил республикой до июня 1989 г., после чего был отозван в Москву, где занял должность председателя Комитета народного контроля и в следующем году был отправлен на пенсию. Казахская элита ликовала. Один из чиновников Верховного Совета Казахской ССР еще в апреле 1989 г. «внушал» союзному руководству: «Кажется, настало время раз и навсегда покончить со слухами (а может с планами) о том, что председателем Президиума будет Колбин Г. В. ... только казах может быть во главе Верховного Совета Казахской ССР». Нельзя, поучал он, руководить «бесконечными оргвыводами, подбирая себе угодных посредственных русскоязычных полуказахов и полутатар в помощники»<sup>36</sup>. Вряд ли можно согласиться с утверждением Н. Э. Масанова, что с лета 1987 г. Колбин стал лоббировать интересы казахской политической элиты, а свое пребывание в Казахстане рассматривал как стартовую площадку для дальнейшего карьерного роста в Москве.

Вероятнее всего, Геннадий Васильевич не только хорошо понимал специфику властных и межэтнических отношений в советских национальных республиках, но сумел всего за два с половиной года разработать и претворить в жизнь один из механизмов обеспечения межэтнического доверия в обществе со сложной этнической структурой и иерархией. Пожалуй, более всего казахскую партгосноменклатуру раздражала попытка своеобразной «экспроприации»



элитной собственности: 247 малых гостиниц, 14 коттеджей, 414 гостевых квартир и 220 охотничьих домиков было передано в распоряжение Министерства здравоохранения Казахской ССР<sup>37</sup>. Все это вместе с успешным опытом работы вторым секретарем ЦК при Э. А. Шеварднадзе в Грузии подтверждает предположение о том, что Г. В. Колбин был одним из немногих представителей советской партэлиты, способных устранять конфликтогенность в межэтнических отношениях. Не случайно в Казахстане продуктивно действовала Комиссия по вопросам национальных и межнациональных отношений, которая в числе прочих задач решала проблемы «выявления и согласования специфических национальных вопросов, возникающих в среде национальностей, живущих за пределами своих государственно-территориальных объединений или не имеющих их»<sup>38</sup>. В рамках этой комиссии были созданы своеобразные «секции»: азербайджанская, курдская и турецкая; греческая и крымско-татарская; дунганская; корейская; немецкая; польская; узбекская; таджикская; уйгурская<sup>39</sup>.

Наиболее важным достижением национальной политики Г. В. Колбина в Казахстане, безусловно, являлась практическая реализация в рамках союзной республики идеи перехода к русско-казахскому билингвизму с приданием равного статуса русскому и казахскому языкам. Старт данной программе был дан в марте 1987 г., когда Пленум ЦК КП Казахстана принял два постановления: «Об улучшении изучения казахского языка» и «Об улучшении изучения русского языка». Из 7900 школ, функционировавших в Казахстане в 1987/88 учебном году, в 4179 школах занятия велись на русском языке, в 3917 – на казахском, в 73 – на узбекском, в 11 – на уйгурском, в 9 – на таджикском языке, насчитывалось также 1094 школы со смешанным обучением<sup>40</sup>. Казахские исследователи согласны с тем, что эти меры, выдвинутые по инициативе нового лидера республики, способствовали снижению межэтнической напряженности: «стало расширяться обучение в школах на казахском, узбекском, уйгурском и таджикском языках; стали расти списки названий и тиражей национальной литературы; увеличивался набор студентов, получающих в вузах специальность преподавателей казахского языка и литературы, открывались языковые курсы и кружки»<sup>41</sup>.

После отъезда Г. В. Колбина в Москву казахская элита, вернувшая себе все властные рычаги и структуры в республике, сразу же отказалась от реализации «колбинской» языковой политики. Уже в 1989 г. известный исследователь этноязыковых процессов в Казахстане Б. Х. Хасанов предупреждал, что придание русскому языку статуса государственного языка «спровоцирует возможность подмены родного языка нерусских и может вызвать негативную реакцию со стороны нерусских, представляющих положение род-

ного языка ущемленным, и тем самым обострить межнациональные отношения»<sup>42</sup>. Уже 22 августа 1989 г. был опубликован проект закона «О языках в Казахской ССР», в котором казахский язык объявлялся государственным, а русский язык получал статус языка межнационального общения. Закон был принят в кратчайшие сроки – ровно через месяц, 22 сентября 1989 г. В общественное сознание также в чрезвычайном режиме стали внедряться два тезиса: о катастрофическом положении казахского языка<sup>43</sup> и о «русскоязычной части населения Казахстана» как «главном факторе, препятствующем внедрению казахского языка»<sup>44</sup>.

В литературе уже высказывалось мнение о том, что в период руководства республикой Колбиным произошел окончательный отказ от идеи передачи целинных областей России и решительно были пресечены претензии уйгурского населения на создание автономного государственного образования в составе Казахской ССР<sup>45</sup>. Действительно, в перечне просьб, регулярно повторявшихся в почте ЦК КПСС, заметное место занимали обращения о целесообразности образования автономной республики советских уйгуров в районах их компактного проживания в Казахстане, что, по мнению авторов писем, позволило бы «сохранить данный этнос, его родной язык, национальную культуру, улучшить его социально-экономическое положение»<sup>46</sup>. Г. В. Колбин активно выступал против всякой возможности появления в составе Казахстана национально-территориальных формирований какого-либо «нетитульного» этноса. Быстрее других невозможность получения автономии в рамках Казахстана осознали лидеры немецкого национального движения. В марте 1989 г. в письме М. С. Горбачеву его лидеры К. К. Бах, Р. Р. Бендер, Г. Г. Вормсбехер, Ю. А. Гаар и другие подчеркивали: «Считать единственно верным вариантом решения вопроса – восстановление Немецкой автономной республики на Волге», а национальные районы в Казахстане, по их мнению, «не смогут стать равноценной притягательной силой»<sup>47</sup>. В мае 1989 г., выступая на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР от Казахстана Н. В. Геллерт заявила о необходимости «иметь свою государственность каждому народу» и предложила восстановить немецкую республику на Волге<sup>48</sup>.

В Уральской и Гурьевской областях Казахстана ЦК КПСС фиксировал «движение за возрождение уральского казачества и включение его территории в состав России»<sup>49</sup>. В октябре 1989 г. к М. С. Горбачеву обратился представитель советских дунган И. Хохаз, который предлагал создать на территории Киргизской ССР автономный округ для дунган, проживавших в Киргизии, Казахстане и Узбекистане. На территории села Колпак-Тюбе Джамбульского района Казахской



ССР планировалось создать дунганский национальный сельский совет<sup>50</sup>.

Казахская элита была категорична: никаких автономий в Казахстане! «Антиавтономистская программа» наиболее четко была сформулирована заведующим сектором Управделами Президиума Верховного Совета Казахской ССР Т. С. Джилтировым. В апреле 1989 г. он направил в Верховный Совет СССР записку, в которой заявил, что «создавать в срочном порядке» в Казахстане национально-территориальные образования «нецелесообразно, так как не созрели предпосылки». «Коренное население, – писал Джилтиров, – не поймет, когда на лучших землях Казахстана будут возникать немецкие, курдские, татарские, туркские автономные районы и области»<sup>51</sup>. «Все эти национальные меньшинства, – по его мнению, обжили те исконно казахские регионы, которые расположены там, где плодороднее почва, больше влаги, мягче климат, больше солнца, ближе к индустриальным и культурным центрам, лучше дороги, связь»<sup>52</sup>. «Создание национальных автономий, – указывал чиновник, – может привести к постепенному вытеснению коренных жителей в отдаленные пустынные необжитые просторы Казахстана»<sup>53</sup>. Следует признать, что жесткий «антиавтономизм» казахской элиты, поддержанный Г. В. Колбиным, легко «уживался» с не менее жестким требованием «права нации на самоопределение и создание своего собственного государства». Признавая целесообразность и законность идеи «двойного суверенитета» на общесоюзном уровне, этноэлиты категорически отвергали эту идею в «своих» республиках.

24 сентября 1990 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял постановление «О выводах и предложениях комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г.». Казахская элита открыто заявила о том, что «выступление казахской молодежи в декабре 1986 года в Алма-Ате не было националистическим и в начальной стадии не носило противоправный характер»<sup>54</sup>. Причинами «протеста» назывались «откровенное пренебрежение мнением населения и партийных масс республики со стороны центра, направившего первым секретарем ЦК Компартии Казахстана по стереотипу доперестроечных времен малоизвестного в республике партийного работника», а также «недооценка возросшего самосознания народа»<sup>55</sup>. Решения Пленума ЦК, избравшего Г. В. Колбина первым секретарем, были названы «оскорбительными для достоинства республики», действия властей в декабре 1986 г. – «неумелыми, политически неоправданными», меры «по отношению к демонстрантам» – «неадекватные ситуации».

«Характер противостояния сторон по национальному признаку событию», указывалось в постановлении, «придало вооружение рабо-

чих дружинников по указанию партийных органов палками, металлическими прутьями и обрезками кабеля»<sup>56</sup>. Вся вина, таким образом, возлагалась на «союзное руководство и руководство республики», которое якобы допустило «грубые политические просчеты», вследствие которых «первоначально мирный протест молодежи г. Алма-Аты привел к драматическим результатам». Ничего удивительного в этом постановлении уже не было. К этому времени национальные элиты уже четко и последовательно ограничивали компетенции высшего советского руководства двумя «задачами»: «обеспечивать закрепленные в Конституции СССР суверенитет союзных республик и неприкосновенность их территориальной целостности»<sup>57</sup>. Их больше не пугали намеки Центра на вероятность пересмотра границ при демонтаже «Комсомолки» и «Литературки» «осмелилось» бы без согласия на то советского руководства или части его опубликовать за неделю до принятия постановления по «алма-атинским» событиям известную статью А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения». Великий русский мыслитель полагал, что «этническая» территория казахов – «это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами»<sup>58</sup>.

Народный депутат СССР, председатель Павлодарского областного Совета народных депутатов Ю. Мещеряков, в 1986 г. занимавший пост первого секретаря Октябрьского райкома партии Алма-Аты, в письме к А. И. Лукьянову опровергал выводы сентября 1990 г. По его словам, он узнал о беспорядках после 14.00 17 октября 1986 г. от вышестоящих партийных органов. «В условиях начавшихся погромов и поджогов» он решил собрать дружинников и отправить их для оказания помощи работникам милиции. Дружинники были направлены для предупреждения развития массовых беспорядков лишь на следующий день, т. е. 18 декабря. Комиссия по «окончательной оценке событий 17–18 декабря 1986 г.» обвинила бывшего секретаря райкома в вооружении дружинников и в «организации избиения ни в чем не повинных людей»<sup>59</sup>. Ю. Мещеряков прямо указывал, что, «пытаясь оправдать хулиганов и погромщиков, в самой комиссии находились лица, которые допустили выступления студенчества, за что некоторые из членов комиссии были впоследствии наказаны», и свидетельствовал, что в результате сентябрьского 1990 г. решения Президиума Верховного Совета Казахской ССР в Павлодарской (безусловно, и в других областях Казахстана – А. М.) области возникла напряженность между казахской частью населения и русскоязычной<sup>60</sup>.

За время, когда республикой руководил Г. В. Колбин, казахская элита сумела преодо-



леть внутренние противоречия и сплотилась вокруг нового лидера. Н. А. Назарбаев был избран на Пленуме ЦК тайным голосованием, что свидетельствовало о безоговорочном его признании даже бывшими оппонентами из команды Д. А. Кунаева. «Казахстан, – как писал Р. А. Медведев, – обрёл наконец спокойного, сильного, энергичного, умного и честного лидера, который сумел достаточно быстро консолидировать вокруг себя власть в этой большой республике»<sup>61</sup>. Представляется, что избранием руководителем Казахстана Н. А. Назарбаева элита титульного этноса окончательно определилась и с «этнократической» программой действий. Красноречиво замечание Н. А. Назарбаева, произнесенное им в разговоре с госсекретарем США Д. Бейкером в сентябре 1991 года: «Если Вы попутешествуете по нашей стране, то увидите, как русские дети бьют казахских детей. Вот так и со мной было. Нелегко с ними жить»<sup>62</sup>.

За четыре года перестройки национальная элита эволюционировала от состояния испуга понести ответственность за «неосмотрительные действия» молодежи до осознания своей силы, консолидированности, решимости довести «начатое в декабре 1986 г. на площади Брежнева дело до победного конца». Центральная власть к этому времени уже не реагировала на такие «мелочи», несмотря на то что прекрасно была осведомлена о состоянии дел в республике. Народные депутаты СССР С. Г. Васильев и В. С. Туренко в мае 1990 г. сообщали в Верховный Совет СССР, что «в Казахстане националистическое движение принимает угрожающие размеры», «сформировано руководство республики только из представителей коренной нации», «из 45 высших руководителей Совмина более 2/3 – казахи». Депутаты полагали, что рассчитывать «на отпор националистическому движению» со стороны «демократизированных» Советов в Средней Азии – «нереально», и считали, что «при составлении нового Союзного договора» пересмотр границ между союзными республиками «просто необходим»<sup>63</sup>.

Алма-атинские события 1986 г. явились следствием резкого обострения конфликта между советской «кремлевской» и национальными республиканскими элитами. В условиях расширяющейся и углубляющейся конфронтации и борьбы за власть союзное руководство стремилось овладеть всеми ресурсами в масштабах единой страны и «оттеснить» национальные элиты от предстоящего дележа собственности. Могущество национальных кланов в республиках при этом недооценивалось, мобилизующая роль этнонационализма в расчет не принималась. Площадь Брежнева в Алма-Ате в декабре 1986 г. тем самым превратилась в арену демонстрации сил, сплоченности, консолидированности, подготовленности и решимости национальных элит. Одержав формальную по-

беду, Центр воочию убедился в способности этноэлит не только противостоять центристским тенденциям, но и в их умении легко и быстро мобилизовать протестный фактор политического этнонационализма. Реализация Г. В. Колбиным эффективной программы восстановления системы межэтнического доверия в национальной республике позволила Центру вновь обрести свое влияние на межнациональную ситуацию в республике и на некоторое время ограничить элитаристские устремления казахских кланов. Успех проекта Колбина, прежде всего, в этноязыковой сфере напугал казахские кланы, заставил их консолидироваться и мобилизоваться на объединяющей их программе восстановления полного контроля над всеми процессами в республике. Отъезд Колбина из Казахстана знаменовал собой капитуляцию Центра перед национальными элитами, отказ от какого-либо вмешательства в дела стремительно обретающих независимость союзных советских республик. Неслучайным в этой связи представляется и конфликт в западноказахстанском Новом Узене с его нефтедобывающими предприятиями, где 17–29 июня 1989 г. проходили массовые межэтнические столкновения между казахской молодежью и приезжими жителями, в основном с Северного Кавказа. Несмотря на то что беспорядки на национальной почве подавлялись частями специального назначения, подчиненных союзным силовым структурам, интерес национальных элит к «своим нефтяным ресурсам» был очевиден, что наглядно и демонстрировалось некогда всемогущему, а в данный момент стремительно слабеющему Центру.

## Примечания

- <sup>1</sup> Что сулит Казахстану перевод казахского языка с кириллицы на латиницу. URL: <http://yk-news.kz/news> (дата обращения: 12.03.2018).
- <sup>2</sup> *Шабаев Р.* Моделирование и прогнозирование этнических конфликтов // *Chaos and Correlation Intern. Journal.* 2010. June 27. URL: [http://chaosandcorrelation.org/Chaos/R62\\_2010.pdf](http://chaosandcorrelation.org/Chaos/R62_2010.pdf) (дата обращения: 12.03.2018)
- <sup>3</sup> *Ракишев Б.* Декабрьские события в жизни политеха // *Газета Рес.* 2008. № 10. С. 2–3. URL: [http://portal.kazntu.kz/files/publicate/2015-08-06-elbib\\_7.pdf](http://portal.kazntu.kz/files/publicate/2015-08-06-elbib_7.pdf) (дата обращения: 15.03.2018).
- <sup>4</sup> *Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001. С. 261.
- <sup>5</sup> См.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы: в 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 497–498.
- <sup>6</sup> *Медведев Р. А.* Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010. С. 235.
- <sup>7</sup> См.: *Кунаев Д. А.* От Сталина до Горбачева. Алматы, 1994. С. 272.
- <sup>8</sup> *Соломенцев М. С.* Верю в Россию. М., 2003. С. 572.
- <sup>9</sup> Там же.
- <sup>10</sup> Там же. С. 573.
- <sup>11</sup> Там же. С. 574.



- <sup>12</sup> Грачев А. С. Горбачев. С. 261.
- <sup>13</sup> Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 126.
- <sup>14</sup> Там же. С. 114.
- <sup>15</sup> Там же. С. 114–115.
- <sup>16</sup> Там же. С. 118–119.
- <sup>17</sup> Там же. С. 123–126.
- <sup>18</sup> См.: Геллер М. Я. Российские заметки 1980–1990. М., 2001. С. 439.
- <sup>19</sup> Там же.
- <sup>20</sup> Хоскинз Дж. Россия и русские : в 2 кн. Кн. 2. М., 2003. С. 362.
- <sup>21</sup> Медведев Р. А. Указ. соч. С. 236.
- <sup>22</sup> См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз : история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 464–465.
- <sup>23</sup> См.: Комарова О. Миграция русских : новые тенденции // Этнополитический вестн. 1995. № 5. С. 125.
- <sup>24</sup> Геллер М. Я. Указ. соч. С. 438.
- <sup>25</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2201. Л. 80.
- <sup>26</sup> Там же. Д. 4178. Л. 46.
- <sup>27</sup> Там же. Л. 22.
- <sup>28</sup> Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Пер. 30. Д. 8. Л. 1.
- <sup>29</sup> Там же. Л. 2 об.
- <sup>30</sup> Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.). Петропавловск, 2015. С. 314.
- <sup>31</sup> Там же. С. 316.
- <sup>32</sup> Там же. С. 314.
- <sup>33</sup> См.: Пономарев В. А. Документы и материалы о событиях 1986 года в Казахстане. М., 1993. С. 269.
- <sup>34</sup> См.: Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.). С. 315.
- <sup>35</sup> См.: Зиманов С. З. Теория и практика автономизации в СССР. Алматы, 1998. С. 110.
- <sup>36</sup> ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 103. Л. 5, 6.
- <sup>37</sup> См.: Казиев С. Ш. Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2015. № 3. С. 61.
- <sup>38</sup> ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2201. Л. 92.
- <sup>39</sup> Там же.
- <sup>40</sup> См.: Сужиков М. М., Сапарғалиев Г. С. Некоторые философско-правовые проблемы совершенствования культуры межнациональных отношений. Алма-Ата, 1989. С. 66–67.
- <sup>41</sup> Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.). С. 318.
- <sup>42</sup> Хасанов Б. Х. Национальные языки, двуязычие и многоязычие : поиски и перспективы. Алма-Ата, 1989. С. 20.
- <sup>43</sup> См.: Кыдыралына Ж. У. Нация и история. Астана, 2009. С. 252–253.
- <sup>44</sup> Хасанов Б. Х. Указ. соч. С. 5.
- <sup>45</sup> См.: Казиев С. Ш. Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.). С. 60.
- <sup>46</sup> Письма трудящихся по вопросам совершенствования межнациональных отношений в СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 164.
- <sup>47</sup> РГАНИ. Ф. 89. Пер. 30. Д. 8. Л. 4 об, 5.
- <sup>48</sup> См.: Идеологические проблемы межнациональных отношений // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 83.
- <sup>49</sup> РГАНИ. Ф. 89. Пер. 5. Д. 21. Л. 4.
- <sup>50</sup> См.: ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 121. Л. 3.
- <sup>51</sup> Там же. Оп. 10. Д. 103. Л. 2.
- <sup>52</sup> Там же.
- <sup>53</sup> Там же.
- <sup>54</sup> Там же. Оп. 6. Д. 328. Л. 1.
- <sup>55</sup> Там же.
- <sup>56</sup> Там же.
- <sup>57</sup> Там же. Д. 316. Л. 5.
- <sup>58</sup> Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Комсомольская правда. 1990. 18 сент. С. 1.
- <sup>59</sup> ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 111. Л. 126, 127.
- <sup>60</sup> Там же. Л. 128.
- <sup>61</sup> Медведев Р. А. Указ. соч. С. 438.
- <sup>62</sup> Цит. по: Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. М., 2016. С. 453.
- <sup>63</sup> ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 111. Л. 102.

#### Образец для цитирования:

Мякшев А. П. События в Алма-Ате в декабре 1986 г.: первый ультиматум национальных элит центру // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 432–439. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-432-439>

#### Cite this article as:

Myakshev A. P. The Events in Almaty in December 1986: the First National Elite Ultimatum to the Centre. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 432–439 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-432-439>